

*Посвящается хорошим девочкам,
которые всегда выбирают плохих парней*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Эта книга — не классический любовный роман. Это история о страсти, помешанной на боли, принуждении и власти.

Поступки главного героя могут вызывать отвращение, страх и осуждение.

Я прошу вас, если вас триггерят темы насилия, сталкеринга или любые темы, касающиеся болезненных отношений (см. ниже список триггеров), то пожалуйста, отложите эту историю.

Для всех остальных: оставьте свою мораль за порогом. В мире Скульптора действуют другие законы.

ТРИГГЕРЫ

- сталкер в маске;
- сомнительное согласие;
- не пистолет, а кисть;
- серая мораль;
- обездвиживание;
- удушение;
- похищение;
- ложь и манипуляции сознанием (внушение, психологическая ломка);
- груминг (подготовка жертвы к насилию любого вида);
- принуждение;
- физическое и эмоциональное насилие;
- обсессивная любовь;
- она — его лекарство, он — ее кошмар.

Наейнаст

Halsey - Castle
Chris Grey - WRONG
Chris Grey - MAKEUP
Chris Grey - THE CASTLE
Chris Grey - COOL BLOODED
Chris Grey - HAUNTED
Chris Grey - MAKE THE ANGELS CRY
Chris Grey - GIVE ME YOUR LOVE
Pierce The Veil - So Far So Fake
Twenty One Pilots - Doubt
Ari Abdul - BABYDOLL
Dutch Melrose - RUNRUNRUN
Chase Atlantic - Swim
Neoni - DARKSIDE
Mr. Kitty - After Dark
Soap&Skin - Me and the Devil
Sickick - Infected
Isabel LaRosa - i'm yours
Isabel LaRosa - HAUNTED
EX Habit - I know (faded)
Nick Alexandr - Better than you
Nick Alexandr - Right Ways
Blackbear - idfc

Глава 1. Экспозиция

*Экспозиция — введение,
расстановка предметов.*

Лили

Кисти плавно скользят по холсту, оставляя за собой четкие изящные линии. Легкий вечерний свет проникает в студию через большие окна, нежно обвивая мою фигуру мягким сиянием, как лучи заходящего солнца касаются воды. Тени танцуют на моей коже, создавая идеальные контрасты, добавляя глубины обнаженному телу.

Я сижу на пьедестале, стараясь не двигаться. Поза спокойна. Подбородок приподнят, направляю взгляд вперед. Светло-каштановые волосы мягкими волнами падают на плечи, щекочут ключицы.

Одной рукой я прикрываю грудь, едва касаясь ее тонкой шифоновой тканью. В другой руке держу красное яблоко, поднеся его к приоткрытым губам, словно вот-вот собираюсь укусить.

— На сегодня все! Всем спасибо. — Голос куратора прорывает тишину. — Лили, можешь идти.

Я сразу чувствую, как напряжение уходит из тела. До этого момента каждая мышца была натянута. Выдыхаю, сбрасывая с себя невидимые оковы. Ноги затекли, спина ноет от долгого сидения, но эта усталость мне знакома.

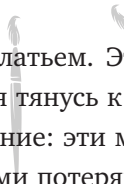
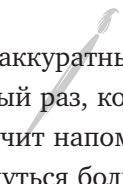
Сгребаю в руку легкую шифоновую ткань, прикрываюсь и направляюсь к выходу. В зале витает запах свежей краски, древесины мольбертов и растворителя. За спиной слышен шепот художников, но я не обращаю внимания — хочу лишь переодеться, расслабиться, на мгновение забыть, что мое тело только что было объектом чужих взглядов.

Я проскальзываю в примерочную и закрываю за собой дверь. Здесь тихо. Провожу рукой по шее, разминая мышцы, и смотрю в зеркало. В отражении вижу лишь пересохшие губы, усталый взгляд зеленых глаз, чуть впалые щеки.

Мне приходится придерживаться строгой диеты, чтобы поддерживать «идеальную» фигуру, о которой все говорят. Каждый день это отказ от любимых блюд, постоянная борьба с соблазнами. Я знаю: один кусочек торта или жареной курочки, и все отразится на теле. Живот станет чуть выпуклее, а бока выдадут себя даже

Натурщица

под самым аккуратным платьем. Эта мысль не отпускает. Каждый раз, когда я тянусь к чему-то вкусному, в голове звучит напоминание: эти маленькие радости могут обернуться большими потерями.

Передо мной тарелка — на ней снова лишь безвкусные овощи и зелень. Листья салата, нарезанные помидоры, капуста и огурцы. Все выглядит красиво, но не приносит ни удовольствия, ни насыщения. Только пустоту. Я чувствую, как с каждым кусочком она заполняет и душу. Иногда я спрашиваю себя, стоит ли эта жертва того? Но достаточно взглянуть в зеркало, и сомнения исчезают. Правила требуют безупречности, и я подчиняюсь им.

Начинаю собираться: натягиваю свои повседневные джинсы, они идеально сидят на фигуре. Сверху — серая кофта с высоким воротником. Сапожки на небольшом каблучке, темно-серый плащ.

Уже направляюсь к выходу, когда раздается стук в дверь. Замерев, я прислушиваюсь. Никого не жду. Осторожно подхожу и открываю. Передо мной — Рейз. Он вваливается внутрь без приглашения, ветер растрепал его черные как смоль волосы, а на губах застыла нескромная самодовольная улыбка.

— Жаль. Ты уже одета, — протягивает он с видом победителя и падает в кресло, по его мнению, всегда принадлежавшее ему. — Я даже пришел раньше обычного, чтобы полюбоваться на твое прекрасное тело, Лилит.

— Обойдешься, Рейз. — Я закатываю глаза, чувствуя, как его взгляд скользит по мне. — И меня зовут

Лили, а не Лилит. Хватит путать меня с этой дьяволицей.

Я бросаю в него шифоновую ткань, которой недавно прикрывала себя. Это мой способ защититься, хотя знаю: бесполезно.

— Но ты меня искушаешь, — ухмыляется он.

— Прекрати! — Я легонько бью его по плечу. Он смеется, как всегда довольный. — Лучше скажи, что было на парах? Эва и Рори сильно злились, что я не пришла?

Эва, Рори и я — мы прошли через многое: ссоры, безумные идеи, бессонные ночи и моменты, когда держались друг за друга из последних сил. Эва, или Эвелина Ламберт, — голос разума. Она умеет слушать, заботится обо всех, всегда рядом. Ее родители спонсируют колледж Серемора, но, несмотря на деньги, она никогда не была избалованной.

А Рори, или Аврора Вальдес, — полная противоположность, наша ходячая катастрофа. Она живет импульсивно, вечно втягивает нас в приключения. Пару раз даже мы умудрились отсидеть в обезьяннике. Но без нее жизнь была бы скучной.

— Эва — нет, Рори — да, — отвечает Рейз, привычно приподнимая бровь. — Эва сказала, что пришлет тебе конспекты, если выйдешь с ними на связь. Иначе отдаст тебя Рори на растерзание.

Я бросаю на него укоризненный взгляд и снова закатываю глаза.

— Ты сможешь подбросить меня домой?

Натурщица

— А ради чего, собственно, я приехал сюда, Лили? — Он растягивает мое имя и демонстративно крутит на пальце ключи от машины.

Рейз Дезмонд. Мой лучший друг с первого курса. Он не ладит с Эвой и Рори, ревнует к ним и всегда старается исчезнуть, как только они появляются. Девчонки его не переносят: мрачный, замкнутый, со своими тараканами в голове. Но со мной он другой. Я единственная, кого он подпускает близко.

Его невозможно не заметить. Высокий, с резкими чертами лица и зелеными глазами, которые всегда смотрят на меня изучающим взглядом. Все в нем наполнено уверенностью, даже в моменты, когда он делает вид, что ему все равно. Только одно выдает его уязвимость — синдром Туретта. Когда нервничает, непроизвольно вскидывает подбородок. Я привыкла к этому жесту и даже нахожу в нем что-то трогательное.

Его семья — влиятельные галеристы, но сам Рейз держится подальше от их блестящего мира. В нем нет фальши, нет надменности. Он бунтарь-художник. Может, поэтому он мне так близок.

Мы часто пересекаемся на проектах, болтаем обо всем: о страхах, мечтах, жизни. Он умеет слушать. Его низкий, немного хриплый смех всегда поднимает настроение.

Но при всей нашей близости я чувствую наше неравенство. У него есть связи, возможности, уверенность. Он может позволить себе не бояться будущего. А я... просто имею меньше возможностей.

— Спасибо, — говорю я и, не думая, тянусь к нему, целую его в воздухе рядом со щекой. Щеки вспыхивают, и стараюсь замять смущение. — Ты хороший друг.

Чтобы заполнить чувство неловкости, беру сумку, когда снова раздается стук. Я вздрагиваю, поворачиваюсь к двери, словно нас застали за чем-то неприличным. Делаю глубокий вдох, чтобы успокоить внезапно участившееся сердцебиение.

На пороге стоит куратор. Его лицо спокойно, но в глазах сверкает что-то другое. Он бросает быстрый взгляд на Рейза, затем на меня и натянуто улыбается.

— Ты еще не ушла? Отлично. У меня для тебя есть предложение.

Он протягивает мне визитку. Я беру ее, верчу в руках, разглядываю цифры и адрес, ощущая, как в груди просыпается странное предчувствие.

— Что это? — спрашиваю я, не скрывая любопытства.

— Свяжись с ними. Им нужна натурщица. Обещали хороший гонорар, — отвечает куратор, загадочно улыбаясь. — Ты же не против?

— Сколько? — уточняю я.

Он склоняется ближе и шепчет сумму. Краем глаза замечаю ревнивый взгляд Рейза. Его глаза сужаются, подбородок в тике нервно дергается.

— Серьезно? — выдыхаю я, не веря своим ушам. Голос звучит тише, чем хотелось бы. Я все еще не могу поверить, что речь идет о таких деньгах.

Натурщица

Куратор довольно кивает, он знал, что этим меня зацепит.

— Но не тyani. Они не будут ждать, — говорит он, подмигивает и исчезает за дверью, оставляя меня с Рейзом и собственными мыслями.

— Спасибо! — кричу я ему, потом рассматриваю визитку и, задумавшись, прячу ее в карман плаща.

— Идем? — Поворачиваюсь к Рейзу. Он стоит чуть в стороне, с непроницаемым лицом, но в зеленых глазах плещется что-то темное.

* * *

Рейз плавно останавливает свой черный Range Rover у моего дома, бросая на меня косой взгляд. Тяжелый внедорожник замирает мягко, хотя я чувствую, как под капотом все еще вибрирует огромная сила.

Мне всегда нравились машины. Я выросла в районе, где папа часами копался в старых движках, и я научилась отличать дешевую марку от роскошной. Этот «Ровер» — машина для убийства. Я слышала, как работает этот мотор на трассе: низкий, утробный рокот пятилитрового V8 с нагнетателем. Звук, который ни с чем не спутаешь.

Я тянусь к дверце, открываю ее и выскальзываю наружу, ловко закинув сумку на плечо. Холодный воздух сразу же обжигает кожу, заставляя поежиться.

Хлопок двери звучит слишком громко в тишине улицы.

— Даже не пригласишь на чашку чая? — В голосе Рейза насмешка, но я улавливаю легкую обиду. Я знаю его слишком хорошо, чтобы не заметить.

— Пока, тупица, — бросаю я через плечо, застегивая плащ до самого подбородка.

Он усмехается, а я машу ему рукой, не оборачиваясь.

Вижу краем глаза, как он не отъезжает с парковки, наблюдая за мной. Лишь когда я захожу в дом, за спиной двигатель его машины оживает, и звук постепенно тает вдали.

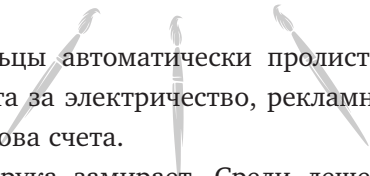
Внутри тихо и тепло. Мой маленький дом будто вздыхает вместе со мной, принимая обратно.

В воздухе висит привычный запах растворителя, масляных красок и остывшего кофе. В полумраке комната кажется совсем крошечной, тем более что половину пространства занимает мой мольберт, старая кровать с наброшенным пушистым пледом, диван, изношенный ковер и роутер в углу с мерцающим красным глазком. Повсюду — на полу, на столе, на узком подоконнике — разбросаны подрамники и листы с набросками углем. Стены увешаны неудавшимися этюдами, которые мне жалко выбросить.

Свет уличного фонаря падает на незаконченный холст в углу, превращая пятна краски в причудливые тени. Здесь тесно и пахнет скипидаром, но это моя мастерская и моя крепость. Пусть и с картонными стенами. Я скидываю сапоги у порога, разминаю затекшие плечи и подхожу к небольшой стопке писем

Натурщица

у входа. Пальцы автоматически пролистывают конверты — счета за электричество, рекламные буклеты пиццерии, снова счета.

Внезапно рука замирает. Среди дешевой бумаги выделяется плотный кремовый конверт с золотым тиснением. Герб колледжа Серемора. Странно. Оценки приходят на электронную почту, новости кампуса — в приложение. Официальные бумажные письма администрация рассылает только в исключительных случаях. Дурное предчувствие ледяной иглой колет под ребрами.

Я медленно надрываю край конверта. Вынимаю сложенный втрое лист. Пробегаю глазами по первым строчкам, напечатанным сухим канцелярским языком. Смысл доходит не сразу, мозг отказывается воспринимать написанное.

«Уважаемая мисс Лили Деверро, настоящим уведомляем вас о пересмотре условий вашего зачисления... Ваша именная стипендия аннулирована с текущего семестра по решению попечительского совета...»

Дыхание перехватывает. Я читаю дальше, и буквы начинают плясать перед глазами.

«Статус обучения изменен на: “Платная основа”. Для продолжения обучения вам необходимо внести 50% от годовой суммы до 31-го числа текущего месяца. В случае неуплаты вы будете отчислены за нарушение контрактных обязательств».

Внизу жирным шрифтом выделена сумма. Лист выпадает из ослабевших пальцев и, кружась, опускается

на грязный коврик. Меня накрывает тошнота. Это целое состояние. Это больше, чем я могу заработать за год, даже если буду работать в три смены. Тридцать первое число — через неделю.

Я сползаю по стене вниз, прямо на холодный пол, и закрываю глаза. В висках стучит кровь.

Он все-таки сделал это.

— Черт... — шепчу я, прикусывая губу.

Руки сами тянутся в карманы плаща — и там нащупываю что-то плотное.

Визитка.

Тонкие черные буквы на матовой бумаге. В голове всплывают слова куратора: «Хороший гонорар».

Я долго верчу визитку между пальцами.

Может, согласиться?

В этот раз выбора у меня действительно нет.

Достаю телефон из сумки. Сердце бьется неровно, пока набираю номер. Гудки тянутся мучительно долго, как будто кто-то нарочно заставляет меня передумать.

И вдруг — щелчок.

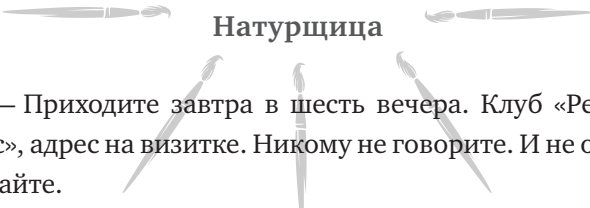
— Да? — Голос грубый.

Я слатаываю, закрываю глаза и заставляю себя говорить:

— Здравствуйте. Меня зовут Лили Деверро. Я звоню по поводу работы натурщицей.

Пауза. Тишина такая гнетущая, что я слышу собственное дыхание.

И потом:

Натурщица

— Приходите завтра в шесть вечера. Клуб «Ренессанс», адрес на визитке. Никому не говорите. И не опаздывайте.

Щелчок. Разговор окончен.

Я медленно опускаю телефон, чувствуя, как внутри все сжимается. Мне не нравится этот голос. Не нравится ни тон, ни то, как легко он повелевал.

Но выбора нет.

Я подхожу к столу, включаю ноутбук и сразу набираю Эву по видеосвязи. Она отвечает после нескольких гудков, как обычно, с широкой улыбкой.

— Подруга, я уже думала, тебя похитили! — Ее голос светлый и бодрый.

— К сожалению, нет, — смеюсь я, но в смехе слышна усталость.

Мы болтаем допоздна. Эва рассказывает о первом дне в колледже, о том, как Рори снова умудрилась поссориться с директором. Я рассказываю, что нашла подработку, — только без деталей. Не упоминаю, где именно, и размер гонорара.

Когда разговор обрывается, я закрываю ноутбук и ложусь. Подушка мгновенно принимает мою голову, и глаза сами закрываются.